

СВЕТЛАНА НИКИФОРОВА

**ЗЛОДЕЙСТВУЕТ ЛИ ЗЛОДЕЙ?
К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
И СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ КОМПОЗИТОВ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Современные деривационные отношения, т.е. представления носителя языка о производности и производящих, наивные или сугубо научные, безусловно, результат многовековой эволюции языковой системы: его литературной обработки, «просеивания» языкового материала сквозь сито синонимии и /или омонимии, индекса частотности той или иной единицы, развития семантики слова и словообразовательных компонентов в синхронии и диахронии. На протяжении всей истории языка деривационные отношения меняются не только содержательно, когда речь идет о синхронной продуктивности той или иной модели, об актуализации определенных основ и аффиксов, о широте и /или глубине словообразовательного гнезда. На наш взгляд, исторически могут различаться и принципы соотношения единиц определенного основного типа, и категориальные связи слов со сходными аффиксами. Так, например, процессы словотворчества в эпоху создания старославянского языка и впоследствии при активной переводческой деятельности славянских просветителей, с одной стороны, во многом учитывали существующие в языке конструкты, с другой – безусловно, ломали естественные деривационные и семантические связи в процессах ментализации и транспозиции. И даже процесс калькирования, который, на первый взгляд, предполагает лишь передачу морфемной структуры слова языка-источника средствами языка-реципиента, на этом важнейшем этапе развития языка, этапе активного словотворчества, становится процессом переосмысления семантики компонентов – в большей степени основных, в меньшей – аффиксальных.

При этом сами принципы номинации (в ее несомненной связи с деривацией), вероятно, остаются неизменными в логико-понятийном отношении. Так, например, Е.М. Верещагин, исследуя семантику лексических единиц древнейших богослужебных текстов, использует методику выделения семантических долей, различая лексическое понятие и лексический фон, при-

менимую и к современным лексическим единицам. При этом под лексическим понятием автор видит: „набор смысловых признаков (семантических долей...), с помощью которых люди (как правило, неосознанно) определяют, можно ли данный предмет назвать тем или другим словом. Следовательно, лексическое понятие обеспечивает номинацию: благодаря ему слово является (по происхождению) продуктом и (по функции) инструментом одной из важнейших познавательных способностей человека – классифицирующей. ...Вокруг каждого слова, – особенно центрального, ключевого, – складывается некоторое множество непонятных (т.е. не имеющих прямого отношения к номинации) СД, которые содержат в себе элементы всем известных – как раз фоновых – знаний. ...Лексический фон обеспечивает кумуляцию (накопление) познанных: благодаря ему слово является (по происхождению) продуктом познания людьми дискретного мира – в каждой культурно-языковой общности со своими особенностями“ [Верещагин 2001, 359–360].

Этот принцип был широко востребован в процессах вербального освоения славянином-неофитом новой реальности, новой модели восприятия действительности. Дискретность мира – результат классифицирующей деятельности, – может считаться завершённой только при развитии научном и эмпирическом знании. Таким знанием о новом мироустройстве не обладает славянин-неофит: его мир определяется на начальных этапах введения и описания христианской картины мира синкретизмом понятий и языковых форм их выражения (1). А значит, если в процессе номинации в ранней славянской теологии действительно учитывается содержание христианского понятия и выбирается оптимальная единица-эквивалент, то лексический фон древнейшего текста не есть продукт познания дискретного мира, а также инструмент его описания и познания. Лексический фон и семантические доли, приращиваемые к лексическому понятию (всегда в дискурсе), есть способ насыщения понятийного объема слова и демонстрации логико-понятийного соотношения его составляющих (2). Уже существующие в языке понятия обрабатывались, при этом насыщались новыми смыслами, расширяя или сужая «набор смысловых признаков». Такая обработка многих лексических единиц приводила к разрыву существовавших словообразовательных связей в их строгом современном понимании (ср., например, номинации *пръвыи зълъин, старыи зълъдѣи* ‘дьявол’(3)). А вслед за базовым понятием менялось и соотношение семантических долей в структуре смежных понятий, здесь – вербализованных единицами с компонентом *зъл-*.

Специфика значения слова в древности особенно ярко, на наш взгляд, проявляется в сложных, многоосновных лексических образованиях. И с грамматической, и с семантической точки зрения эти единицы многоаспектны: будучи в большинстве случаев кальками с греческих композитов, они демонстрируют широкие возможности словообразовательной и грамматической систем древнерусского (шире – древнеславянского) (4) языка (ср., например, *богонось / богоносьць / богоносьнии / богоносьно* при переводе

одной греческой формы θεοφόρον), а с другой – потенциальная возможность разного смыслового соотношения составляющих композита делает их словами многосмысленными – оптимальным средством выражения сложного абстрактного понятия, суть которого в большинстве случаев и раскрывается в семантическом соотношении основ (5).

Большинство старославянских, а затем и древнерусских композитных образований стало результатом калькирования греческих единиц: так, А.И. Соболевский отдает дань старейшим переводам греческих книг на славянский язык, отмечая, что «простой по содержанию текст Евангелия и книг Ветхого завета, переведенный знатоками греческого языка, образованными Кириллом и Мефодием или их учениками под их руководством, был передан по-церковнославянски [читай по-старославянски. – С.Н.] и точно, и вполне удобопонятно. Переводчики, передавая греческие слова и выражения по-славянски, не стремились к буквальности, не старались передавать оригинал слово в слово, но заботились прежде всего об передаче смысла (6) и об удобопонятности» [Соболевский 1980, 23–24]. Именно эта упомянутая А.И. Соболевским забота переводчиков о передаче смысла определила широкую вариативность языковых средств в структуре композита, где активно варьируются как основные, так и аффиксальные элементы.

Уже в старославянских переводах находим сложные, создаваемые по образцу греческих композитов, образования, отражающие абстрактное (а значит, наиболее сложное для понимания) представление о «делании» зла – **зълодѣѣнїиѣ** и **зълодѣѣство**. Ср. **зълодѣѣство** – злодеяние, злодейство *zločin, špatnost: сѣмотри же ми зълодѣѣство ихъ ржчьнок* Супр. 443, 7–8 (греч. *κακοπραγία*) / **зълодѣѣнїиѣ** – злодеяние, злодейство *konání zla, špatnost: не на покаянїиѣ нѣ на зълодѣѣнїиѣ* Супр. 388, 9 (греч. *τὸ κακοπραγεῖν*) [14], и сопоставимый с ними личный субстантив **зълодѣѣнїиѣ**.

С точки зрения современной теории деривации, композиты **зълодѣѣнїиѣ**, **зълодѣѣство** – отглагольные образования, как большинство единиц на -ие (-ние) и -ство или на -ní, -ství, -stvo в современных русском и чешском языках. Однако в старославянской системе принципы деривационных отношений единиц оказываются иными: композиты, создаваемые в старославянском языке калькированием греческих лексем, устанавливают словообразовательные связи внутри славянской системы не столько по суффиксальным (в данном случае) признакам, как это происходит в живой языковой системе в продуктивных типах, а по основным составляющим. Это значит, что для старославянских единиц типа **зълодѣѣнїиѣ**, **зълодѣѣство** релевантным оказывается единство **зълд-**+ **дѣ-**, а суффиксальный элемент лишь формирует общее категориальное представление о слове, т.е. является скорее маркером, нежели собственно словообразовательным компонентом как средством словопроизводства. Такой механизм обуславливает широкую словообразовательную вариативность «производных» слов в древнейших славянских текстах, впоследствии воспринятую и большинством славянских литературных языков и отражающуюся в славянских текстах уже в ранний

исторический период. (7) Таким образом, семантика композита в древности определяется не столько его внутрисистемными деривационными связями, сколько семантикой и смысловым соотношением его основных компонентов.

В структуре образований с комплексом **зълѡдѣ**- определяющую роль играет именно начальный компонент. В большинстве случаев при переводе он стал эквивалентом широко распространенного начального греч. кѣко-, репрезентирующего представления о злом, плохом и дурном, безумном и неразумном, позорном и порочном, коварном и лукавом, гадком и неправильном, опасном и гибельном, о бесплодном [Дворецкий 1958]. Представление, эксплицируемое единицей **зълын** в славянской системе, во многом было близко этому понятию, что и определило выбор переводчика церковно-книжного текста.

Мы уже не раз отмечали, что одним из жанров, продуцирующих композитные образования и тем самым активно формирующих древнеславянскую религиозную терминологическую систему (8), стала славяно-русская гимнография. В отличие от евангельского нарратива, дискурс гимнографического текста предполагает (в том числе и в силу особого поэтического характера жанра) высокий уровень отвлеченности лексики, широкие синонимические ряды, множественность реализуемых словообразовательных моделей, близость к греческому оригиналу, выстраивание текста по принципу ключевых слов (9) (а именно композиты часто выступают в их роли, оказываясь, например, гиперонимами в пределах некоего семантического пространства) (10). Несмотря на поэтический характер гимнографии как жанра, ей не следует отказывать в высокой терминологичности лексических единиц (11): если под термином понимать „принадлежность специального <...> языка, средство номинации специальных <...> понятий или предметов“ [Верещагин 1997, 39] и учитывать эзотеричность группы, ставшей таковой в том числе благодаря овладению специальным языком, то становится очевидным, что христианизация есть не что иное, как эзотеризация сообщества – вовлечение человека в новую систему знаний о мире, в новую специальную область, причастность к которой маркирована знанием новой системы языковых средств (12). Поэтому любой из жанров древнейшей славяно-русской церковной книжности предьявляет исследователю истории русского языка широкий ряд терминологически значимых и определенных единиц (13), призванных на любом из этапов освоения текста славянином-неофитом репрезентировать и толковать языковые знаки, именующие фрагменты новой картины мира (14).

Так, в текстах ранней древнерусской гимнографии – Путятиной Минее XI века (далее – ПМ) и Ильиной книге XI-XII вв. (далее – Ил) – находим композиты-термины **зълѡдѣ**-1 и **зълѡдѣ**-2: ПМ – **Бесѣдожъ женьскожъ приложи . ко пьрьвородьноу . старынъ злодѣи зми . ти не сълага севѣ коварьства . хваланса вечисльно 22об.**, Ил – **Блажимъ тѣ всегда стын петре . и цѣлжкмъ твоа веригы . таже као злодѣи поноси . побиваа**

зълѡвѣ начальника . и важемъ оузами си милостиве. (греч. какоѡруос) 116v; тако върховна прѣмждрыхъ апль . и ключара небснаго црьствиа . вѣсхвалакмъ та апле . и обловызакмъ чистож съвѣстниж петре . таже поноси тако злѡдѣи веригы . зълѡдѣинства ржша вражиа . ихъже молта и избавитиса нам (греч. какоѡруос) 118v.

Если в первом из представленных контекстов использован термин со значением 'дьявол' (ср. материалы ССС – старын зълѡдѣи о дьяволе: старалаго зълѡдѣа . і глабинънааго змиѣ . в(о)гомждрымъ хждождествомъ . оуловль Евх., Зогр., Мар., Ас., Сав., Ен., Супр.) (греч. ἀρχέκακος) [Старославянский... 1994], то в следующих контекстах – термин со значением 'преступник' (без указания на характер преступления и связь его с верой) в структуре аллюзии на библейское повествование о распятии Христа наравне с преступниками – ворами и убийцами. Если контекст ПМ говорит о собственно религиозном представлении о злодее Дьяволе как антагонисте Бога, то в Ил (ко зълѡдѣи) – о преступлении против социума. Таким образом, в композитах реализованы тончайшие, но тем не менее чрезвычайно актуальные для ранних этапов развития славянской терминологии оттенки понятия «зло»: с одной стороны, зло как категория антибожественная, с другой – как категория антиобщественная.

Именно социальная составляющая становится неотъемлемой частью семантики композита зълѡдѣи -2 на протяжении всей ранней истории русского литературного языка: это «тот, кто творит злые дела; преступник; разбойник». Сравним, например: и кдинъ ѿ злѡдѣи тѣхъ связаныхъ... глааше ЖФП XII; распатъ вы(с) за ны ѿ нюдѣи . при поньтѣстѣмъ пілатѣ... тако злѡдѣа . обычан во імаху жїдове развоіны распінатї КР 1284; колико злѡдѣи ндоуща оубитъ и красть... (греч. какоѡруос) ПНЧ 1296; тѣмъ порьвновати достонть . а не татемъ и пыаницамъ . ні злѡдѣкмъ . имъ же үготована ксть моука ПрЛ XIII, Костантинъ повелѣ кмү тазыкъ оурѣзати . тако злѡдѣю и еретикү... зане хлүлү измолві на ст҃ю Бцю ЈЛ 1377, тѣгда привязанъ бывѣ оужемъ за выю . влачи бѣ по оуличамъ тако злѡдѣи .. по семь темницү преданъ Пр 1383; акы тазлѡдѣ адама изгна Пал 1406 и др. [Словарь древнерусского... 1988].

Безусловно, в соответствии со старославянской традицией, зълѡдѣи-1 'дьявол' и в древнерусских памятниках письменности остается антагонистом Бога и гонителем праведного человека, его искусителем: сотона же съ дѣмоны своими тү параше и тако вчютї кпифана молашася ш немь . пристрашенъ гнѣвъ имѣаше злѡдѣи ПрЛ XIII; мыслашю оубо кайнү . ре(ч) како... погубитъ брата своєго авела... и се гави кмү злѡдѣи врагъ в ноци спашю оубинство ЧТБГ к.ХІ сп.ХІV; егда оубо молимъ(с) оудовь шдолѣемъ врагү дьяволү . лѣнаще же (с) сами поупцаемъ на са злѡдѣа ЗЦ к.ХІV [Словарь древнерусского... 1988].

Однако и неправедно живущие, нечестивые и безбожные могут быть теперь названы зълѡдѣи: ничто же не свѣдоушихъ . и безловивыхъ влжитъ писаник . а не злѡдѣа разумна (греч. τὸν μὴ какоѡρουον) ПНЧ ХІV;

Бѣ поставилъ насъ волостели . в мѣсть злодѣемъ и в добродѣтель блгоч(с)тивымъ ЛИ ок.1425 [Словарь древнерусского... 1988]. Такое метонимическое сближение социального и христианского неизбежно: источником зла для социума, пронизанного религиозным знанием, становится анти-Бог, т.е. Дьявол, а значит, злодей – тот, кто по его наущению творит зло (будь то убийство, кража или безбожие) против христианского социума. Тем самым для носителя языка сливается воедино социальное и христианское, а понятие о злодее становится комплексным, многоаспектным, расширяется лексический фон единицы: в ее поле втягиваются все новые семантические доли – дискретные элементы христианской картины мира, мир же при этом становится все более определенным – бинарным, поделенным на две сферы, Божественную и безбожную.

Термин **зълодѣаник (зълодѣиство)** встречается в старославянских памятниках редко: упомянутый нами Старославянский словарь фиксирует каждый из вариантов лишь единожды, поэтому интерпретация материала затруднена. В ранних гимнографических текстах ПМ и Ил эти образования не обнаружены, поэтому обратимся к словарным материалам.

В древнерусских источниках ряд композитов **зълодѣаник, зълодѣиство** пополнился еще одним суффиксальным вариантом – **зълодѣиствик**, при этом анализ толкования этих композитов для современной языковой системы не позволяет выявить сколь-нибудь существенные различия в семантике древнерусских единиц: ср. **зълодѣиствик** – то же, что **зълодѣиство**; **зълодѣиство** – злодейство, преступление, грех; **зълодѣаник** – злодеяние, преступление, грех [Словарь древнерусского... 1988]. Анализ контекстного употребления этих сложных образований позволяет утверждать, что определяющей для композитов становится дефиниция «грех»: именно с нарушением христианского поведенческого кодекса связана номинация **зълодѣаник** (вариативно – **зълодѣиствик, зълодѣиство**). Это может быть

– преступление против истинной веры – безбожие или еретичество: ср. **иванъ велег(с)но глше . облицаа злодѣиства жидовьскаа . ицаднѣа кхиднова . створите плоды покаяннѣа ... томоу [Иисусу] вѣрүите** ПрЛ XIII; **тѣ... произведенъ вы(с) дивскоромъ . надѣавшесѣа купно с помышленькѣмъ зловѣрикѣмъ коу ничто же злодѣиства ползова на вышнемъ сворѣ халкидоньстѣмъ** Пр 1383;

– нарушение правил церковного устава, церковного ритуала: **да отъвръженъ боудеть . [берущий плату за причастие] тако рьвьнитель симона прѣльсти и зълодѣиства** (греч. τῆς... какоурυίας) КЕ XII; **аще недоуга ради некоего . на ѡрѣзани поноуженьъ боудеть [об оскоплении] неповиненъ есть . врачьба бо есть се . а не злодѣиство** КР 1284; **аще же тѣ оубо не съчетаеть брака кождо лица гнѣ . аще же бывше еи по хытрости скрываетъ . да послѣ же виноу възложить на съчетавшесѣа . моучимъ таковое злодѣание** (греч. τῆν... какоурυίαν) КР 1284;

– грех / грехи как признак несправедливой жизни человека, на что указывает форма множественного числа композита-субстантива: **а тѣломъ**

падаю злѣ въ тѣнѣ въ злодѣяниихъ моихъ СБЯр XIII; И о прочихъ злодѣиствинихъ . и исповѣдавше .. и оубо оубиниць исповѣда (греч. ἐπί... какоурυίας) ПНЧ XIV; или включение композита в ряд единиц, обозначающих греховные действия: цр(с)тва биа лишаекъ тако пьнства зла иного послѣдоумимъ . невздержаник . неч(с)тота блудство... да не рекоу злодѣяник КН 1280;

– и зло как обобщенное понятие о злом в мире: безаконныхъ стрѣльць зьлодѣиства избѣже Мин.окт. 1096; се же вѣдуще . зьлодѣства всего оудалаютъса . да зьлостражають же оуспѣшно о обыщи пользи УСт XII/XIII; и злодѣяникмь питоуки дроугъ на дроугъ створиша и всю вселеную възматюша и съ собою многыя погоубиша (греч. какоурυία) ГА XIII-XIV; а источник зла в мире – дьявол: члволюбець бо сы бѣ. вѣсть немощь нашего рода и дьяволю силу и злодѣиство (греч. τῆν... какоурυίαν) ПНЧXIV [Словарь древнерусского... 1988].

Как словарные толкования композитов, так и их контекстное употребление, безусловно, сходны: для древнерусского книжника эти единицы были вариантами, и только некоторые из выявленных нами со-значений соотносимы с представлениями о зьлодѣи – это, конечно, Дьявол (напомним, старын зьлодѣи, прьвыи зьлыи) и неправедный человек, погрязший в грехе.

Позднее семантика обоих типов композитов (зьлодѣи и зьлодѣяник / зьлодѣиство / зьлодѣиствик) активно развивается. В памятниках XV-XVII вв. зьлодѣи

– «делает зло и имеет дурные намерения»: Поѣди княже на свой стол а злодѣевъ не слушай Новг. I лет.;

– совершает кражи и грабежи: въ нашей землѣ злодѣи до смерти повили и товаръ ихъ поимали Польск.д.1491; ...ревнютъ прежним окаяннымъ мытремъ и прочим злодѣемъ сами сѣдя по мытом и по мостомъ на дорогахъ емлют...пошлину А. Пыскор. 1654;

– становится противником кому-либо или чему-либо: А франки туркамъ злодѣи больше грековъ Арс.Сух.Проскинитарий 1653; Мирский чакъ аще отрѣжет себѣ дѣтородныи удъ да отлучен будет за три лѣта яко злодѣи своему животу Корм.Балаш.XVI.

Появляется здесь злодѣлатель Дьявол: А Каннови внуци... лукавааго злодѣлателя волю творяще вѣса Палея XV, и злудѣлатели (sic!), творящие зло, лгушие, безбожные: Зловивни людие почто лжитѣ... лживии свадници злудѣлатели безбожници Епистоля о нед. П.отреч. XVI.

А зьлодѣиствик / зьлодѣяник понимается в первую очередь

– как грех, отступление от божественных заповедей, акт против веры и церкви: Люди пребывающая во всякомъ злодѣиствини и преступлении заповѣдей божиныхъ Ав.Кн.бес., 1675; Князь Глѣвъ Рязанский... церковь Боголюбскую и иконы со всячьскою утварию разграби и плѣни... и тако мечь достойную приять безумию своему и злодѣянию отъ господа бога Ник.лет.; Млсрды бгъ... еще терпит... грѣшная дша моя в мертвеном телеси.. многому моему согрѣшению ожидаю по вся дни

и ч(а)сы за злодѣяние свое совершенного воздаяния Грамотки 1665. В этом отношении показателен последний из приведенных нами контекстов, где термин **злодѣяние** поставлен в один ряд с термином **согрѣшение**, здесь за **согрѣшение** = **злодѣяние** приходит воздаяние;

– как безбожие: **И опуст(ош)итъ всю землю безаконие . и злодѣиствие превратитъ престолъ сильныхъ** Ж.Авр.Смол. XVI (безаконие (безбожие) = **злодѣиствие**);

зълодѣство же

– как колдовство, чародейство, что ново, но, безусловно, остается в рамках понимания божественного и антибожественного: **и посемъ примѣ Нектонавъ морскыи ястрѣвъ и потвори и и повѣда ему все еже хотяше глати къ Филипѹ влѣховнымъ злодѣствомъ... и посла и къ Филипѹ да ся ему въ снѣ явить Александрия XV;**

– как преступление, нарушение социального закона, здесь – как кража и грабеж: **Было два лотры сии рѣчь разбойники... тѣ два лотрове много зла чинили крадѹчи и розбиваючи и прилѹчилость в нѣкоторое время что единъ был без дрѹгаго и такъ его на злодѣствѣ понимали** Рим.д. 1688 [Словарь русского... 1975]. Именно в этом случае можно видеть и смысловую, и словообразовательную связь композитных образований **зълодѣи-1** и **зълодѣство-2**, когда ‘преступник’ и ‘преступление – кража, грабеж (не дифференцированы)’, наконец, создают общую семантическую зону, не пересекающуюся с зоной христианского вероучения и мировосприятия.

Один из самых ранних контекстов употребления глагольного композита **зълодѣяти** находим в Ил: **Словеса пррчка ако оуслыша родѣ . вифлеомьскаго црѣ влѣшасѣ . и га съказающа . несѣмыслнни зло дѣшасѣ . и отрочата оубивакма . мнѣше же сѣ оубити . избавашаго ѿ сѣмьрти члвка . стаго отрока въ жслѣхъ тинно . рожьшасѣ ѿ двѣ чты** (греч. нет) 79г (словораздел в глагольном сочетании / композите может быть вариативным), и **зълодѣяти** здесь – совершать «избиение младенцев», т.е. совершать убийство, оцениваемое, с одной стороны, как антиобщественный акт, с другой – как акт антибожественный, связанный с поисками святого отрока, рожденного тайно в яслях.

В ранних древнерусских памятниках глаголы с комплексом **зълодѣ-** не активны: вероятно, глагольные предикативные образования с такой абстрактной семантикой не были востребованы в древнейшем церковно-книжном тексте. Автор / переводчик / переписчик выбирали наименования, конкретизирующие характер действия: ср. **ѿ них же первѣкъ Сирии, И живѹще на конецъ земля, законъ имѹтъ ѿць своихъ... ни красти ни клеветати ни оубити ни злодѣяти весма** (греч. μῆ... какоуруεῖν) ГА XIII-XIV, а в глагольное образование **зълодѣяти** вкладывалось максимально обобщенное представление об отходе от божественных предписаний, заповедей, правил христианской морали и поведения. Так, например, в ранних текстах находим **злодѣствовати** со значением ‘прелюбодействовать’, конкретизированным, однако, только в контексте, – **аще злодѣствовѣ гнѣ . явѣ же**

есть ко и дѣти оубо ѿ таковыхъ браковъ свободни же и благородни бывають (греч. ἐκακοῦρησεν) КР 1284 (то же в ЛЛ 1377) [Словарь древнерусского... 1988]; в более поздний период **злѡдѣствовати** – ‘выступать против истинной веры, критиковать ее и проклинать’ – **кретници... крстѣ гсднь обхуждаху и проклинаху... и въ ннѣ текуща лѣта тожде злѡдѣствують** Сим.Пол.Бес. XVIII, или нарушать заповеди, не допуская / прерывая беременность, – **Они же слышавше дивишася и тайно снѣдаху кореня яже имѣ оць заповѣда не ясти и раждати чада... злѡдѣствовахуся** Луцид. XVII [Словарь русского... 1975].

Таким образом, для древнерусской языковой системы можно говорить лишь о крайне общей семантической и деривационной связи глагольных и субстантивных композитов **зѡдѣвати / зѡдѣствовати – зѡдѣаник / зѡдѣствик / зѡдѣство – зѡдѣи**, которые не вступают в строгие деривационные отношения, не создают разветвленного словообразовательного гнезда и не позволяют говорить о четкой семантической и структурной взаимообусловленности.

Такая связь установится только в XVIII веке, веке просвещения и сознательного словотворчества в рамках описываемых и предписываемых в этот период системных грамматических правил. Это время будет эпохой расцвета словосложения как деривационной модели, а набор композитных образований достигнет своего пика не только в сфере активно создаваемой терминологии различных наук, но и в поэтическом творчестве.

Примечания

1. „Понятия средневекового человека были более конкретными, предметно-чувственными, комплексными, диффузными“ [Шимчук 1985, 93].

2. В механизме освоения нового понятия на ранних этапах развития богословской, нравственной, философской номенклатуры, без сомнения, „эксплуатируется“ так называемая внутренняя форма слова: она „воплощает тот след, который слово оставляет в памяти человека. Слово именно потому отсылает человека к предмету (т.е. обладает для него значением), что оно имеет свою внутреннюю форму. Незнакомые слова не маркируются внутренней формой, не находят отклика в сознании коммуникатора“ [Кияк 1987, 66]. Вероятно, именно поэтому в древнерусский период заимствование не стало ведущим способом славянского терминовтвора.

3. Лексический фон единицы при этом также меняется: так, семантическое поле «злой» в дохристианской картине мира представляется несколько иным, нежели поле «злой» картины мира неопита. В данной работе не будем останавливаться подробно на этой проблеме, ограничившись констатацией вполне очевидного факта.

Многие термины христианства зарождались в глубокой древности, когда слово-термин сохраняло тесную семантическую связь с исходной не-

терминологической лексической единицей и несло в себе как структурно, так и содержательно «память» о былой экспрессии. Так, например, древнейшее языческое понимание зла как того, «что люто, лукаво, лихо» [Колесов 2001, 123], во многом становится базой для формирования понятия «зло» в христианстве, которое находит отражение уже в первых переводах христианских текстов в новом славянском культурном пространстве. Если «...славянское зъло в исходном своем (синкретическом) смысле обозначало всю множественность отрицательного мира в случае, когда требовалось этот мир назвать» [там же], то христианское «зло наводит дьявол... Точно так же, как Бог – благо, его антагонист – воплощение зла» [там же, 125]. Так, в старославянском языке, языке древнейших славянских переводов, языке, в котором и формируются первые славянские религиозные термины, фиксируется значительное число единиц терминологического характера с основным элементом **ЗЪЛ-** (например, **ЗЪЛОБА**, **ЗЪЛЪ**, **ЗЪЛО**, **ЗЪЛОВЪРНИКЪ**, **ЗЪЛОДЪБИ**, **ЗЪЛОКЪЗНЬНЪ**, **ЗЪЛОСЛОВИТИ**, **ЗЪЛОСТРАДАТИ**, **ЗЪЛОСТЬТВОРИТИ** и др.), и все они так или иначе эксплицируют христианское представление о греховном, дьявольском, заключенное в основном компоненте и на уровне собственно славянской внутренней формы, и на уровне фоновом – с наращением понятийного объема единицы в контексте.

4. Показательна формула В.В. Колесова „древнерусское (=древнеславянское) слово“ [Колесов 2002, 83].

5. Этот тезис подтверждается в теории словообразования, когда представляется бесспорным тот факт, что «производные слова и словосочетания обладают более или менее эксплицитной внутренней формой, «подсказывают» своим составом, структурными особенностями единую внутреннюю форму, претендующую на общность для всех коммуникантов» [Кияк 1987, 62]. Маркированность деривационного уровня сложного слова в таком случае оказывается связана, на наш взгляд, не только с собственно внутренней формой слова / его осн'овных компонентов, но и с самой моделью. «В группе производных единиц внутренняя форма обнаруживается сравнительно легко и однозначно, поскольку «простые слова референтны только по отношению к миру действительности, производные обращены к миру действительности и к миру слов» [Кубрякова 1981, 10, цит. по Кияк 1987, 63]. Такое обращение к другим словам актуализируется посредством различных словообразовательных средств» [Кияк 1987, 63]. Так рождается деривационная значимость слова и словообразовательного, структурного типа, модели: слова-композицы обладают, на наш взгляд, чрезвычайно высокой степенью деривационной значимости, что и обуславливает возможность объединения их в функционально-семантическую группу.

6. Безусловно, А.И. Соболевский, используя слово „смысл“, не вкладывает в него собственно лингвистическое терминологическое содержание, как это делают многие ученые сегодня, разрабатывая теорию значения от слова до текста, однако **термин** этот для нас представляется крайне актуальным, потому что относительно древнего языкового состояния и проблем перево-

да с греческого на славянский, на наш взгляд, корректно говорить именно о смысле как наиболее обобщенном представлении до-значения. Так, процессы перекодировки смысла в значения, описанные, например, А.В. Бондарко и аналогично определяемые В.А. Звегинцевым [Бондарко 2002, 126; Звегинцев 2001, 176], в современном языковом сознании представляются нам близкими отношениям смысла и значения в древности (что, впрочем, естественно). При этом смыслы существуют в концептуальных системах [Алефиренко 2005, 99], а значит, при трансляции иной культуры мы можем говорить не только о переводе смысла (именно такой принцип перевода характерен для древней славянской церковно-книжной письменности), но и о переводе концепта (впрочем, термин «концепт» мы не используем как методологически принципиальный).

7. Аргументом в пользу иного характера словообразовательных связей в данном случае может стать и тот факт, что ни глагол **зълѡдѣати** (не субстантиват **зълѡдѣати сѧ** ‘лунатик’), ни глагольное сочетание **зълѡдѣлати**, **дѣяти** (как потенциальные производящие) не фиксируются в старославянских текстах. Находим здесь только образование **зълѡтворити** / **зълѡсѣтворити**, которое осталось не востребованным и в современном русском, и в современном чешском языках (а также в древнечешском).

8. Здесь важным представляется замечание Е.М. Верещагина, одного из самых авторитетных исследователей славяно-русской гимнографии: „...литургические произведения – это распетое богословие [разрядка наша. – С.Н.]“ [Верещагин 2004, 52]. Часто повергающееся критике мнение И.В. Ягича о невысоком качестве поэтического перевода византийской гимнографии на славянской почве в целом также может быть привлечено как тезис в защиту насыщенности славяно-русского гимнографического текста терминологически актуальными лексическими единицами: „Христианская поэзия греко-византийская представляет собою высокий литературно-исторический интерес, но она до сих пор недостаточно изучена... Славянские переводчики ...старались перевести минеи, как богослужебные книги, с буквальной передачей греческих слов славянскими [разрядка наша. – С.Н.], не заботясь при этом нисколько о смысле подлинного текста и не задаваясь восстановлением его в переводе. Не обращая внимания на данный текст как на произведение греческой поэзии, они, конечно, в своем переводе не соблюдали ни размера стихов, ни таких поэтических украшений, как акrostихи. Поэтичность перевода отражалась разве только отчасти в полете мысли подлинника“ [Ягич 1886, LXXVII-LXXVIII]. Именно этот “полет мысли” методологически важен для нас.

9. Однако следует заметить, что мы не ставим себе целью изучение всех терминологических единиц в гимнографическом тексте: объем исследованного материала „ограничивается спецификой гимнографического творчества (в котором, в отличие от богословского трактата, никогда не бывает тематико-содержательной полноты)“ [Верещагин 2001, 360].

10. Однако это не означает некой обособленности жанра минеи (или гимнографии в целом) на собственно языковом уровне в сфере церковно-книжной письменности: так, например, „исчисление фоновых семантических долей, [а именно анализ семантики слова актуален для нас. – С.Н.] на материале гимнографических текстов (т.е. текстов художественно-образной природы) способно привести к тем же результатам, что и исчисление фоновых СД в нарративных (богословско-философских) текстах, в которых не встретишь ни аллюзии, ни аллегории, ни метафоры“ [Верещагин 2001, 368], однако разнятся, на наш взгляд, способы представления фонового знания в жанрах с разным типом дискурса.

11. «Древнеболгарские книжники осознанно относились к поэзии, что проявлялось в употребляемой ими специфической терминологии и в графическом оформлении произведений...» [Станчев 2003, 9].

12. Такое понимание причин и механизма освоения нового специального языка соотносимо с положениями современной когнитивистики, когда, с одной стороны, слово „выделяет в нем [в предмете. – С.Н.] соответствующие свойства, ставит его в нужные отношения к другим предметам, относит его к известным категориям“ [Алефиренко 2005, 92] с другой – языковые знаки являются средством осуществления интериоризации, превращения внешнего во внутреннее, то есть „вращивания“ образов познаваемых (внешних) объектов внутрь уже имеющейся нервно-мозговой системы. Суть такого „вращивания“ заключается в том, что образы внешнего мира не просто расширяют уже имеющееся культурно-смысловое пространство, но <...> активно воздействуют на ранее сложившуюся понятийную систему, стимулируя тем самым ее развитие“ [Там же].

13. О „неоднозначности и широкой синонимичности древнерусской терминологии“ см., например, [Юрченко 1988].

14. «Проникновение [же. – С.Н.] в структуру и в семантику начальной славянской терминологии позволяет понять и оценить вновь созданный великими солунскими братьями книжно-письменный язык с точки зрения прогресса просвещения и культуры в славянских странах» [Верещагин 1988, 94].

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф.: Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005.
 Бондарко, А.В.: Теория значения в системе функциональной грамматики. На примере русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.
 Верещагин, Е.М.: История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., Мартис, 1997.
 Верещагин, Е.М.: Слава (= ҃҃҃҃, δόξα): богословская эстетика в древнейшей славяно-русской гимнографии? // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. – С. 35–52.

- Верещагин, Е.М.: Терминоворотчество Кирилла и Мефодия // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1988. – № 2. – С. 91–100.
- Верещагин, Е.М.: Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М.: Индрик, 2001.
- Древнегреческо-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий. Под ред. С.И. Соболевского. В 2-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Звегинцев, В. А.: Язык и лингвистическая теория. М.: УРСС Эдиториал, 2001.
- Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. – М.: Индрик, 2005.
- Кияк, Т.Р.: О «внутренней форме» лексических единиц. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1987. – № 3. – С. 58–68.
- Колесов, В.В.: Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
- Колесов, В.В.: Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.
- Новгородская служебная минея на май (Путятин Минея). XI век: Текст, исследования, указатели. Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 2003.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Рус. яз., 1988–.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975 –.
- Соболевский, А.И.: История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980.
- Станчев, Красимир.: Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения) // Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 15–21 августа 2003). Тематический блок № 14. Доклады. – София, 2003. – С. 5-22.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Рус. яз., 1994.
- Шимчук, Э.Г.: О процессах архаизации лексики русского литературного языка XI–XVII вв. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1985, № 6. – С. 88-94.
- Юрченко, А.И.: Изборник 1073 года: Интерпретация основных древнерусских философских терминов. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1988. - № 2 (март-апрель). - С. 75-90.
- Ягич, И.В.: Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг. – Памятники древнерусского языка. – Т. I. – СПб., 1886.

Зълодни зълостинствоуіть?

TO THE QUESTION ABOUT WORD-FORMATION AND SEMANTIC LINKS OF COMPOSITES IN OLD RUSSIAN LANGUAGE

In article the analysis of derivational relations of composites *зълостинство* / *зълостинствоуіть* / *зълостинство* and *зълостинствоуіть* in Old Russian language and later is carried out. The author asserts that in the history of language there were no strict word-formation communications in sphere of units which were calque. At obvious structural similarity it is impossible to name composites connected in the derivational and semantic relation. In article process of formation of such derivational communications throughout several centuries of development of Russian is described.

S. Nikiforova

Ústav slavistiky FF MU

Arna Nováka 1

602 00 Brno

e-mail: snikif@seznam.cz

